
Валентина Рыженко

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ В СОВРЕМЕННОМ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ
ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗОВ И ПРОСТРАНСТВА
ГОРОДА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**

Свойство современных интеллектуальных штудий — устойчивое стремление к выходу за рамки устоявшихся канонов «отраслевого» знания. С конца XX века стремительно разрастается число дисциплин, возникающих «на стыке» нескольких областей научного знания. С помощью складывающихся междисциплинарных практик можно существенно изменить представления об окружающем пространстве, его физико-географическом, историческом и символическом измерениях.

В настоящее время в российской историографии не вызывает сомнений оценка междисциплинарности в качестве неотъемлемой характеристики нового состояния исторической науки. Немалая заслуга в ее утверждении принадлежит Центру интеллектуальной истории при Институте всеобщей истории РАН (руководитель Л. П. Репина) и Альманаху «Диалог со временем». Помещаемые вместо предисловий к выпускам альманаха статьи выступают «возмутителями спокойствия» в сообществе гуманитариев. В то же время, выполняя добровольно возложенную на себя посредническую миссию, они нацеливают активизировавшиеся в последней трети XX в. поиски исследовательской мысли ученых разных стран на диалог совершенствуемых методик и экспериментальных моделей. Пространством диалога становится постоянно расширяющееся и меняющее свою внутреннюю топографию обширное поле интеллектуальной истории. Последняя предстает в этом случае не только в виде области изучения всех видов творческой деятельности прошлого, но и как территория самоопределения и рефлексии современных историков, которым тесно в прежних рамках проблемной историографии и отраслевого знания.

Разработка междисциплинарных исследовательских моделей предстает в качестве важного способа культивирования личности современного интеллектуального ландшафта и форм продвижения в пространство интеллектуальной истории. Это проявляется в естественно и произвольно складывающихся комбинациях своего рода «островков», которые возникают в местах наибольшего напряжения коллективных и индивидуальных исследовательских поисков. Стремление ряда научных направлений к самостоятельности, соединенное

одновременно с их тяготением друг к другу для междисциплинарного изучения сложных объектов, является отличительным сущностным признаком новизны современного познавательного этапа в целом и состояния отечественной историографии в частности. Оно придает особое своеобразие этим поискам, а возникающему «островку» — постоянную незавершенность форм и подвижность образующей его интеллектуальной почвы, открытой для очередных приращений.

Такой вывод не означает уже устоявшегося мнения. Возможна и другая трактовка, согласно которой исследовательские поиски современных историков — это больше создающие видимость новизны интеллектуальные игры внутри профессиональной корпорации, чем реальное вхождение в проблемное поле интеллектуальной истории. К тому же неясно, являются ли междисциплинарные опыты современных исследователей способом познания прошлого для получения иного знания о его феноменах или эти опыты вызваны потребностью самоутверждения?

Особенностью современной ситуации является формирование интеллектуального пространства «без границ», складывание сетей виртуального общения, широкое использование Интернетресурсов. Однако проблема вызревания междисциплинарных исследовательских практик требует регулярного обсуждения. Раскрытие возможностей междисциплинарных исследовательских моделей предполагает первоначально описание общего историографического контекста, на почве которого появляются опорные идеи для конструирования экспериментальных моделей. Исследовательская ситуация в мировой и национальных историографиях последних 10–15 лет XX в. и в первые годы XXI века характеризуется познавательными «поворотами», укреплением линии на сближение исторической науки с другими науками, становлением новых научных направлений. Эти признаки уже неоднократно отмечались на различных научных конференциях, в том числе и автором предлагаемой статьи. В данном случае подчеркну, что обращаюсь к линиям пересечения проблемных полей истории и культурологии, урбанистики и регионоведения. Общим принципом для этих областей научного знания является объемное видение объекта и предмета исследований. Образно это можно назвать голографическим эффектом.

При этом следует учесть, что понятие *interdisciplinarity*, обычно переводимое на русский язык как «междисциплинарность», как подчеркивает Л. П. Репина, вошло в активный оборот во второй половине XX века¹ и, отражая смену эпистемологических ориентиров, не раз меняло свое содержательное наполнение. Она считает, что в русле

¹ Репина Л. П. Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. М., 2005. С. 5.

интеллектуальной истории пора выделить актуальный раздел «история интердисциплинарности». На мой взгляд, для его наполнения может пригодиться описание современных региональных опытов создания междисциплинарных исследовательских моделей изучения сложных объектов, к каковым, например, относится город, его пространство и образы в динамике их исторического существования и трансформаций. Ниже предлагаю обратиться к наработкам в этом направлении, появившимся в российской историографии и в ее региональной (сибирской) ветви. Их можно распределить по двум блокам.

Блок 1

Историко-культурологическая линия в современных российских и региональных городоведческих опытах

Начало XXI века для городов во многих странах, особенно на постсоветском пространстве — это трудное время в их социально-экономическом и социокультурном развитии. Значительные перемены происходят во внешнем облике городов по всей территории России, но нагляднее всего они заметны в мегаполисах и крупных городах. Негативное влияние «рыночной» российской модели отражается в градостроительстве и в отношении к архитектурному наследию, то есть, в тех компонентах, которые в прошлом, включая XX век, обеспечивали основы восприятия образа города с его «лица не общим выражением». Действия современных планировщиков на территории старинных русских городов все чаще именуются «тихой ликвидацией», разрушением городов путем т.н. «динамичного развития»². Утверждения современных теоретиков, что «культурное наследие выступает одним из ключевых элементов современной системы устойчивого развития», а «гибкость является важнейшим качеством стратегического мышления в управлении сферой культуры»³ противоречат реалиям.

На примере самого «сердца» России, Москвы, наглядно видны искажения ее прежнего облика (исчезновение как древнейших пластов и символов, так, тем более, знаковых черт ее образа как столицы СССР). Ситуация типична и для российских регионов. Вместе с тем в условиях глобализации резко обострилась актуальность проблем, связанных с сохранением исторической памяти, с различением памяти коммуникативной и памяти культурной, с формированием многоуровневой коллективной и индивидуальной идентичности.

В этой связи современные исследователи зафиксировали парадоксальные примеры столкновения интересов уникальности места в пространстве конкретного исторического города и унитарности

² Воронцов И. Псковские ликвидаторы (специальный репортаж) // Трибуна. М. 13–19 ноября 2008. С. 13.

³ Есаков В.А. Мегаполис и его культура (на примере Москвы). М.: Альфа-М, 2008. С. 9, 15.

политики региональных властей⁴, в результате чего страдает идентичность городского сообщества. Так, А. В. Дахин, вводя в научный оборот понятие общегородской loci-совокупности как базовой структуры коллективной идентичности городского сообщества, обратил внимание на ситуацию в Нижнем Новгороде после официального установления нового российского праздника — Дня народного единства, когда в пространстве исторического центра города — родины народного ополчения 1612 г., появилась уменьшенная копия памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве. Тем самым, по его мнению, «уникальное место, уникальное событие и уникальный архитектурный ансамбль оказались аранжированы вторичным объектом за авторством г-на Церетели»⁵.

Историки должны воспринять новые «Вызовы Времени» и современные подходы представителей гуманитарного сообщества, а затем соотнести с ними формы и методы своей профессиональной деятельности. В столь ответственную миссию органично встраивается намеченная мной задача обратиться к региональным исследовательским опытам по изучению образов и символов советского города, соединяя историю и современность в многомерное «пространство идентификации». В этом случае используемое в дальнейшем ключевое понятие «образ», а также другие понятия из междисциплинарного инструментария будут трактоваться преимущественно как современные «интеллектуальные конструкты», а путеводной нитью в авторских рассуждениях становится интеллектуальная история.

Мои интересы к проблемам, связанным с историей культуры городов в XX веке, определились достаточно давно. Результаты их поэтапного исследования отражены в целом ряде публикаций, в том числе в монографии⁶, в которой была разработана экспериментальная модель «Интеллигенция — Культура — Город» и проведена ее апробация на материалах крупных городов Сибири 20-х гг. XX века.

Поворот к изучению образов советского города и символов, становившихся особыми знаками эпохи в его пространстве, происходил, с одной стороны, под влиянием уже отмеченных выше «стрессовых» ситуаций для отечественного культурного наследия, в том числе для российской истории и историографии культуры, из которых до недавнего времени по сути вычеркивался советский период и наследие советских историков. Вторым фактором стало утвержде-

⁴ Дахин А. Город как место памятования // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительный альманах. / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. Вып. 4. М.: Институт Наследия, 2007. С. 164.

⁵ Там же. С. 170–178.

⁶ Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования. Екатеринбург; Омск, 2003. 370 с.

ние новых тенденций в современном интеллектуальном пространстве, прежде всего, устойчивое стремление исследователей к выходу за рамки сложившихся канонов «отраслевого» знания.

Именно это обстоятельство привело к непрерывному разрастанию с конца XX века числа дисциплин, возникающих «на стыке» нескольких областей научного знания. В результате сформировалось убеждение, что междисциплинарная кооперация может существенно изменить представления об окружающем пространстве, его физико-географическом, историческом и символическом измерениях. Упрочение статуса интердисциплинарных исследований создает возможности для очередного выбора историком нового проблемного поля и его возделывания с помощью сконструированной модели, звенья которой обрастают дополнительными деталями. Комбинации деталей корректируются в соответствии с меняющимся интеллектуальным контекстом.

В рамках интер- и полидисциплинарных поисков зафиксировано особое направление в мировой науке, которое получило название «Образы других»⁷. Одна из стержневых линий в этом направлении концентрирует внимание ученых на политико-географическом (в одно и то же время умозрительном и «приземленном» — В. Р.) истолковании «других». Это образы стран и регионов, возникающие в представлениях политиков, дипломатов, писателей, журналистов и других представителей научной и творческой элиты, а также в массовом сознании, транслируемые с помощью периодической печати и иных средств массовой коммуникации. Исследователей начинает интересовать культурно-антропологическое наполнение собирательного «образа другого», будь то политический лидер, либо «культурный герой» своего времени.

Советская эпоха для этого может предоставить обширную информационную основу, связанную с различными «текстами» о «новом человеке», «Образы городов», в которых формировались и обитали «новые люди», вполне осязаемы. Они наполнены реальными сооружениями, выполнявшими практические функции (производственные, жилищные, досуговые). Их внешний вид («оболочка образа») определялся эстетическими и художественными представлениями своего времени. Поэтому историк не может ограничиваться вербальными описаниями примет или черт образов городов, появляющихся в чьих-то умах под влиянием геополитических, социально-экономических и идеологических факторов.

Отмеченные обстоятельства явно способствует выходу историков культуры на неизведанные территории. Однако следует учитывать региональную (в данном случае, сибирскую) специфику российской

⁷ Чубарьян А. О. Стереотипы и образы России в европейском мышлении и в массовом сознании // Мир Клио. Сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной. Т. 1. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 210.

историографической ситуации. Известно, что до середины 1980-х гг. историки Сибири обращались в основном к ранним этапам истории сибирских городов, а проблемное поле включало преимущественно ее социально-экономические, политико-административные и правовые аспекты. Единственной темой, близкой к истории культуры региона в XX в., было описание памятников истории и культуры, чему, начиная с 1980 г., посвящалось несколько сборников научных статей⁸. С конца 1990-х гг. в региональные исследования этого направления включились сотрудники Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области. Раскрывая эволюцию городских поселений в Сибири, они представили весьма негативный образ советского города, в котором индивидуальность и многообразие ландшафта намеренно и непреднамеренно уничтожались, а культурный комплекс социалистического города навязывался искусственно⁹.

Подобная точка зрения довольно типична. Ее устойчивость и в новейших публикациях¹⁰ является дополнительным стимулом для моего обращения к образам советского города с использованием сибирских материалов. Вслед за распространившимся интересом российских историков к изучению образов «Другого» в разных контекстах¹¹ должно происходить, на мой взгляд, и более адекватное реалиям недавнего прошлого осмысление тех слоев в культурном пространстве города, которые появлялись в результате деятельности советских архитекторов. Эти слои, включавшие набор обязательных инфраструктурных сооружений, создавали в каждом конкретном городе своим сочетанием и расположением «местный» вариант унифицированного образа.

Отмечу, что в некоторых современных отраслевых исследованиях (трудах историков градостроительства и архитектуры, искусствоведов), заметно стремление не только расширить представление о советском зодчестве и искусстве, но и показать их в составе культурного наследия России. Так, например, монументальный

⁸ См., например: Памятники истории и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1986; Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989; Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989 и др.

⁹ Правоторова А. А., Гусаченко В. Л. Город и наследие. Новосибирск, 2002. С. 144–145.

¹⁰ Меерович М. Г. Социалистический город — уникальный тип градостроительной системы в условиях советской государственности // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции (XVIII — начала XXI вв.) / Под ред. Е. В. Конышевой, С. А. Баканова, Л. В. Никитина. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. С. 110–156.

¹¹ См.: Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 134–255.

облик и соответствующий образ Челябинска как промышленного центра всероссийского масштаба, обладающего своей эстетикой, сложившейся в 1920-е — 1950-е гг., представлен в исследовании Е. В. Коньшевой. Примечательно, что интерес к восстановлению утраченных черт прежнего образа в современных городах принимает различные формы. Восстанавливаются не только культовые здания в виде «новоделов» (примеров множество, как столичных, так и по Западной Сибири), но иногда возвращается проектный вид отдельных зданий сталинской эпохи. Вновь сошлюсь на челябинский случай с главным корпусом Южно-Уральского университета, проект которого в 1951 г. был решен по образцу высотного здания МГУ на Ленинских горах. Эта черта вернулась в общий образ города в 1999–2003 гг., о чем пишет Е. В. Коньшева¹².

Существенным шагом к изучению образов и символов советской эпохи, отражавшихся в облике городов и частично сохраняющихся до настоящего времени, стала разработка авторской концепции двухгодичного проекта «Культурное пространство западносибирского города в советскую эпоху (1920-е — 1950-е гг.)». Над его воплощением работал небольшой коллектив (Д. А. Алисов, В. Ш. Назимова) под моим руководством.

Наше исследование проводилось на конкретном материале одного из крупнейших регионов России — Западной Сибири. Эта территория, особенно несколько городских поселений (Новосибирск, Сталинск (ныне Новокузнецк), Кемерово) были, начиная с 1920-х гг., своеобразным полигоном для политических, экономических и социокультурных экспериментов, осуществлявшихся по планам форсированного социалистического строительства. В годы Великой Отечественной войны пространство западносибирских городов, в первую очередь, таких крупных центров как Омск и Новосибирск, подверглось существенным деформациям, включив в себя «инородные» ядра в виде эвакуированных предприятий. Послевоенные годы (вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг.) — это время «вживления» поселков при заводах в городской культурно-цивилизационный ландшафт, сопровождавшееся новой стратегией развития советских городов, вырабатывавшейся в Центре, упрочением ведущей роли архитектуры и градостроительства в трансляции официальных «соцреалистических» культурных ценностей сталинской эпохи.

Одной из принципиальных методологических посылок для меня является актуализация «забытого» исследовательского опыта. Эта идея нашла сторонников и среди других ученых. Так, сравнительно

¹² Коньшева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х — 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. С. 101, ил. 53.

недавно Э. А. Шулеповой предложена трактовка «областного культуроведения» как регионального принципа сохранения и использования историко-культурного наследия¹³. По ее мнению, процесс изучения «культурных гнезд» в начале XX в. и современный поворот мировой научной мысли к ситуативной историографии (case study) имеют общие цели и методологию.

Ответвление этой линии, на мой взгляд, связано с изучением на материалах отдельных территорий России роли локальных сообществ как фактора «интеллектуального единения» региона и их деятелей в формировании местной культурно-информационной среды. В более широком ракурсе, на стыке историографии, науковедения и культурологии, научные сообщества советского периода рассматриваются в контексте трансформаций образов исторической науки (коллектив под руководством В. П. Корзун). К выделенному блоку современных исследований относятся труды, содержащие постановку проблем методологии и методики изучения роли региональной культуры в формировании регионального самосознания и региональной идентичности¹⁴. В частности, в монографии философа И. Я. Мурзиной имеются теоретические фрагменты, относящиеся к интересующей меня проблематике. На материалах культуры Урала она рассматривает вопросы, связанные с ролью символов и мифов в процессах обеспечения региональной идентичности.

С конца 1990-х гг. в связи с идеями междисциплинарности и проблемами поиска символов, значимых для региональной идентификации, регистрируется усиление интереса к метафизике в целом и к метафизике города со стороны философов и культурологов. Мною были осмыслены и соотнесены с собственными наработками подходы саратовцев к изучению культурного пространства своего города¹⁵, а также работы пермского исследователя, филолога В. В. Абашева, который ввел понятие местного (в данном случае пермского) текста как локальной структурно-семантической категории русской культуры¹⁶.

Таким образом, в менявшемся исследовательском контексте сформировался междисциплинарный сегмент, соединяющий поиски историков, культурологов, семиотиков культуры и городского про-

¹³ Шулепова Э. А. Наследие как интеграционный компонент памяти поколений // От краеведения к культурологии. Российскому институту культурологии 70 лет / Отв. ред. К. Э. Разлогов. М. 2002. С. 163–165.

¹⁴ См, например: *Орешина М.А.* Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М., 2000. 196 с.; Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003. 205 с.

¹⁵ *Пространственность развития и метафизика Саратова.* Сб. науч. ст./ Отв. ред. Т.П. Фокина. Саратов: Поволжская академия госслужбы, 2001. 144 с.

¹⁶ *Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. 404 с.

странства. В него органично вписались действия участников нашего проекта, позволившие представить предварительные итоги проведенного экспериментального («пилотного») исследования в виде коллективной монографии¹⁷, вышедшей небольшим тиражом.

Недавние повороты в современных интеллектуальных поисках к уже упомянутым выше образам «Другого», стимулировали появление трудов историков, имеющих междисциплинарный характер. В региональной (сибирской) историографии таким является новаторское исследование Н. Н. Родигиной¹⁸, в котором под образом региона понимается соединение представлений о регионе, базирующихся на знаниях о нем, и продукта коллективного воображения, конструируемого интеллектуальными или политическими элитами. Обращаясь к изучению «второй реальности» (образов реальности), исследовательница разработала модель анализа образа региона как интеллектуального конструкта и феномена общественного мнения. Одной из опор в междисциплинарном подходе Н. Н. Родигиной стала концепция географических образов, предложенная в 2003 г. Д. Н. Замятиным. Хронологически конкретно-историческая область апробации ее модели ограничивается второй половиной XIX — началом XX века. XX век, особенно большой период советской эпохи с системой ценностей советской культуры, отодвинут «на перспективу».

Следует подчеркнуть, что Д. Н. Замятин несколько позже, предлагая типологию географических пространств, выделил особо «анаморфированное пространство». Он обозначил его суть как «метагеографический образ», изучать который возможно с помощью «большой» образно-географической интерпретации («метаинтерпретации»)¹⁹. Для историка, обращающегося к образам города любой эпохи, важно, что географ-культуролог отнес к метауровню сакральные географические объекты, в том числе «города-символы». Как правило, к ним относят города, история которых уходит в глубокую древность. Они являются, как писали Николай и Татьяна Анциферовы, «вехами, отмечающими этапы пройденного шествия, факелами, освещающими проложенную дорогу»²⁰. Мне представляется,

¹⁷ Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920-е — 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск: ООО Издательский Дом «Наука», 2004. 292 с., 32 ил.

¹⁸ Родигина Н. Н. Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX вв. / науч. ред. В. А. Зверев. Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 2006. 374 с.

¹⁹ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С.60–61.

²⁰ Анциферовы Н. и Т. Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон. 1926. С. 4.

что в таком качестве, только в других масштабах, выступали и отдельные города нашей страны — символы советской эпохи — по отношению к определенной «союзной», локальной и/или региональной территории.

Правомерность этого суждения подтверждают параллельные шаги исследователей из других регионов. Так, в очередном выпуске альманаха «Гуманитарная география» (2007) рассматривается проблема городов — продуктов советской цивилизации на материале Верхнеудинска — Улан-Удэ²¹. Примечательно, что авторы статьи отметили собственные различия в «городовосприятии», однако сочли необходимым «представить достаточно многомерный образ города, уделив внимание его символическому полю в преломлении социальных практик»²².

Замечу, что авторы определяют период с начала 20-х годов по 50-е годы XX века как период коренного изменения символической сферы города и переноса акцентов в системе знаковости на социалистические маркеры. Все же, на мой взгляд, стоит вновь прислушаться к забытым суждениям И. М. Гревса и Н. П. Анциферова относительно роста городов «слоями» и борьбы веков друг с другом в каждом современном городе. Эту борьбу мы наблюдаем воочию в настоящем, когда «слои» советского образа уменьшаются и трансформируются, но все-таки входят в набор черт современного российского города. Поэтому изменения символической сферы города, а равно его образов — это повторяющиеся свойства динамики исторического развития, через которые происходит раскрытие культурных форм и обеспечивается чередование традиции и новации.

В упомянутой выше экспериментальной коллективной монографии был осуществлен лишь пробный шаг в новое проблемное поле. За прошедшие четыре года возникла потребность двинуться дальше. В то же время мне как разработчику общей концепции «пилотного» проекта представляется целесообразным вновь обратиться к теоретико-методологическим аспектам конструирования интердисциплинарной модели, но уже в рамках скорректированного исследовательского ракурса. Это даст возможность интерпретировать культурное пространство и образы «советского» города на основе сохраняющейся и/или исчезающей символической реальности (внешней оболочки, своего рода «матрицы» конструируемого образа).

Существенным фактором, оказывавшим сильное воздействие на общий исследовательский контекст и на вызревание авторского замысла, являлось развитие исторической урбанистики в контексте

²¹ Амонголонова Д., Скрынникова Т. Текст и контекст Улан-Удэ: сложный образ городского пространства // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительный альманах. / Сост., отв.ред. Д. Н. Замятин. Вып. 4. М.: Институт Наследия, 2007. С. 180–207.

²² Там же. С. 181.

истории культуры. О результатах этого процесса свидетельствуют труды Научного совета по истории мировой культуры РАН (ответственный редактор Э. В. Сайко)²³. Среди новейших разработок в области исторической культурологии, связанных с изучением города как локального объекта и органично включающих динамику его конкретно-исторических реалий в условиях советской эпохи, выделяется коллективный труд по истории города Дмитрова²⁴. Опорным теоретико-методологическим инструментарием, используемым авторами, является историко-культурный и средовой подходы.

Аналогичные подходы отражены и в недавнем специальном труде, посвященном российской урбанизации XX века — монографии А. С. Сенявского²⁵. Определяя в качестве главной отличительной черты фрагментарность общей картины (и тематически, и хронологически, и территориально), автор сделал вывод, что полноценное историческое исследование российской урбанизации, понимаемой как общественное явление и подсистема в социально-экономической и территориальной организации общества, возможно только на путях комплексного подхода и с опорой на историко-теоретические построения. Еще одна зафиксированная А. С. Сенявским особенность — это необходимость специального изучения динамики изменений городской культуры, а это уже намечаемая связь исторической урбанистики с проблемными полями культурологии.

В ходе нашей совместной работы по выявлению сибирской специфики «Культуры Места» мы с коллегой В. Ш. Назимовой обратили внимание на то, что московский историк не останавливался на анализе региональной историографии, ограничившись ссылкой на то, что существуют сотни историко-краевых работ, «которые привести здесь невозможно». Тем самым, региональная историография и краеведческие публикации для него оказывались равноценными. Такая постановка вопроса представлялась нам тогда явно спорной, а в последнее время в связи с дискуссиями о разведении понятий «краеведение», «новая локальная история», «региональная история» это нашло дополнительное подтверждение. Тем более, что в монографии А. С. Сенявского не было учтено изменение региональной историографической ситуации за период с 1989 по 2003 гг.

²³ См., например: Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э. В. Сайко. М., 1995; Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Отв. ред. Э. В. Сайко. М., 1999; Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Отв. ред. Э. В. Сайко. М., 2001 и др.

²⁴ Российская провинция: среда, культура, социум (Очерки истории города Дмитрова, конец XVIII–XX век) / Отв. Ред. Э. А. Шулепова. М., 2006. 456 с., ил., табл.

²⁵ Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 285 с.

Нелишне напомнить, что еще в начале 1980-х гг. историки Сибири рассматривали некоторые вопросы, связанные с городской культурой и частично с реальными чертами социокультурного пространства города в условиях социалистических преобразований. Это касается историко-демографических исследований городского населения в трудах В. А. Исупова и А. С. Московского, изучения культуры и быта, облика городских отрядов рабочего класса Сибири В. П. Буториным, В. И. Исаевым, Ю. Г. Марченко. Одновременно историко-культурные процессы в Советской Сибири активно изучались В. Л. Соскиным и его учениками. Так начинали закладываться в сибирской историографии основы для возможного общего сегмента исследовательского пространства и стало вызревать новое проблемное поле для историков города, культуры и интеллигенции с потенциальными междисциплинарными связями.

В 1987 г. появился первый региональный научный сборник, посвященный урбанизации в Сибири²⁶. Он открывался статьей В. В. Алексева. В ней среди перспективных задач было указано на необходимость обобщения исторического опыта урбанизации в регионе, изучения советского периода истории сибирских городов, изменений в социально-классовой структуре их населения, в численности и составе интеллигенции.

Подчеркну, что параллельно в интеллектуальном пространстве того времени, все еще разделенном на национально-государственные ячейки «буржуазной» и «советской» историографии, в отдельных зарубежных исследованиях изучение историко-урбанистической проблематики приобрело характер междисциплинарной кооперации²⁷. Ближе к проблемам взаимосвязи интересующих нас объектов в 80-е гг. подошли немецкие ученые. Для них характерно было стремление рассматривать разнообразие связей деятельности людей, в том числе отдельных профессиональных групп, с пространством определенного места. На наш взгляд, это исходило из их глубоких историко-культурных и краеведческих (родиноведческих) научных традиций. О современных линиях в зарубежных исследованиях, близких заявленной теме, мне уже приходилось писать²⁸. Одна из них связана с философским осмыслением понятия «Места» в контексте феномена родиноведения и трактовки понятия «Родина».

²⁶ Урбанизация советской Сибири / Отв. ред. В. В. Алексеев. Новосибирск, 1987. 224 с.

²⁷ См., например: Veröffentlichungen des Institut für vergleichende Stadtgeschichte in Münster. Bd. 7. Voraussetzungen und Methoden Geschichtlicher Stadteforschung. Bohlau Verlag, Köln, Wien. 1979; Bd. 16. Urbanisierung im 19. und 20. Jahrhundert: Historische und geografische Aspekte. Köln, Wien, Bohlau. 1983.

²⁸ Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования... С. 11–12, 141–142.

Вторая линия демонстрирует изучение городского культурного пространства и модернизационных процессов XX века на материале европейских столиц и Петербурга/Ленинграда (Карл Шлегель). Исследования Шлегеля можно считать началом изучения социокультурного пространства города путем соединения локального метода (когда на микроуровне два города выбираются в качестве объектов) и привычного сравнительно-исторического макроанализа (когда внимание концентрируется на поисках специфики развития объектов под действием глобальных факторов).

Современная ситуация во многих областях научного знания, особенно в гуманитарных науках, характеризуется интенсивными теоретическими поисками, размышлениями над понятиями, уточнением их содержания, усилением внимания к объектам, требующим междисциплинарного анализа. Применительно к городу как социокультурному феномену в 1990-е гг. ставится проблема его национально-государственной специфики, в рамках которой наблюдается обращение к истории российских городов, включая их развитие в XX веке. Этими проблемами занимаются не только отечественные специалисты.

Выше уже шла речь о крупных исследовательских программах, осуществляющихся московскими учеными под руководством Э. В. Сайко. Одна из монографий этого цикла была посвящена новой и сложной проблеме — город как носитель динамических потоков социальной эволюции²⁹. Сам город при этом рассматривался как саморазвивающаяся, саморегулирующаяся через поведение людей, термодинамически открытая система, включающая совокупность антропогенных — технических, социальных, экономических и т.п. — подсистем. Такова новая парадигма его изучения, предложенная и развиваемая Т. И. Алексеевой-Бескиной³⁰. Она выделяет ключевой механизм — неизменный элемент системы при любых ее трансформациях и модификациях — *социогеом*, в котором обобщены некие социопрограммы. Концентраторами информации социопрограмм предстают города во всей сложности их жизнедеятельности, с перманентными изменениями, особенно интенсивными в переходные периоды истории. Что же касается российского города, то некоторые его типы, например, «соцгорода», она называет уродливыми порождениями «теорий градостроительства» советских времен.

Немецкий исследователь Л. Эррен предложил свое видение ситуации с проектированием и строительством «социалистических городов» на основе анализа истории советских индустриальных

²⁹ Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2001.

³⁰ Там же. С. 71–162.

городов Урала³¹. Его позиция сводится к выводам о том, что, во-первых, центральное планирование «соцгородов», как показывает пример Магнитогорска, было хаотическим, далеким от местной практики, во-вторых, между идеями «марксистски ориентированных планировщиков города» и реальными действиями промышленных руководителей, которых он считает «хозяевами», не было никаких связей, отсюда строившаяся временная инфраструктура этих городов рождала нечто похожее, по мнению Л. Эррена, на уральские заводские поселения XVIII в. Нам представляется все вышеперечисленное спорным, требующим дополнительного изучения, в том числе за счет расширения проблемного поля и встраивания вопроса о «социалистическом городе» и «социалистическом типе расселения» в общую историографию отечественной культуры советской эпохи.

В 1990-е гг. появляются новые ракурсы видения тех или иных объектов внутри «своих» предметных полей гуманитарных наук, определяются пространства междисциплинарных исследований. При этом оказались востребованными некоторые оригинальные концепции и методики 1910-х–1920-х гг., относимые в настоящее время к истокам отечественной культурологической мысли, в известной степени опережавшей исследования зарубежных ученых.

Поиск историко-культурологических подходов к анализу культурного пространства/культурно-цивилизационного ландшафта как «матрицы» образа города в советскую эпоху в этой связи представляется особенно существенным, поскольку за 1990-е гг. проблематика, связанная с изучением истории культуры России и ее регионов в условиях советского периода, стремительно отодвинулась на одно из последних мест в современной отечественной историографии. На мой взгляд, необходимо не только сохранение этой проблематики с включением в нее и прежних традиционных тем по истории советского культурного строительства, но и рассмотрение всего спектра на макро- и микроуровнях. В этом случае макроуровень дает нам понимание советской культуры как одного из реально существовавших в культуре XX века субкультурных пластов, утверждавшееся официально в государственной политике как приоритетное. Используя одновременно микроанализ, можно вычленивать специфику проявления этой линии и признаки регионального и локального своеобразия советской субкультуры.

Естественно, что в интересующем меня проблемном поле оба указанных среза увязываются с конкретно-исторической динамикой (*временная координата*) и с определенным «Местом» (*территориально-поселенческая или пространственная координата*). Для общего замысла следует обозначить еще одно измерение, связанное с осо-

³¹ Эррен Л. Урал как кладбище «социалистических городов». Городское планирование в первом пятилетнем плане // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сборник статей / Под ред. И. В. Нарского. Челябинск, 2003. С. 151–162.

бенностями культуры и социокультурных процессов в XX веке. Назовем его «цивилизационной координатой». Оставляя в стороне глобальные дискуссии о соотношении понятий «культура» и «цивилизация», уточню выбранный в качестве необходимого в данном случае инструменталистского термина — вариант обозначения третьего измерения — «культурно-цивилизационный ландшафт» или, как подчеркнуто выше — своего рода **«матрица» внешнего образа города**.

С его помощью акцентируется внимание на ведущей роли организованной деятельности людей в преобразовании того или иного места, его пространства. При этом организующим фактором выступают социально-политические установки, геополитические и экономические государственные интересы, однако уникальность облику и атмосфере «местного» пространства придает включенная в структуру и образ такого ландшафта духовно-творческая («проектная») деятельность «штучной» интеллигенции и ряда сообществ — носителей инновационных идей и идеалов. Добавлю, что и прежде, и в данном случае используется два варианта перевода термина *Landchaft*: 1) край, местность, провинция и 2) ландшафт, пейзаж, вид. Именно в них заложены акценты, важные для историко-культурологического исследования образа города, касается ли это реальных его признаков, или речь идет о его «второй реальности», опозитизированной писателями и /или художниками.

Для выхода за рамки прежних моделей изучения культуры и интеллигенции такой поворот означает, прежде всего, приоритет **территориально-пространственной координаты**. В настоящее время ее роль становится все более принципиальной. Это подтверждается усилением внимания к изучению региональных особенностей исторического опыта, а также укреплением тенденций к становлению исторической регионалистики в 1990-е гг.³² Существенное дополнение проистекает из того, что в настоящее время рассмотрение российской цивилизационной специфики применительно к истории XX в. должно учитывать контекст развития высшей стадии глобального урбанизационного процесса. Эта стадия ведет, по мнению уже упоминавшегося А. С. Сенявского³³, к радикальному преобразованию всего общества на «городских началах» и проявляется в завершении т.н. «урбанизационного перехода» в условиях форсированной трансформации и парадоксального характера российских модернизационных процессов. Определяя в дальнейшем возможно-

³² См. подробно об этом: *Алексеев В. В.* Регионализм в России. Екатеринбург, 1999. 194 с.

³³ *Сенявский А. С.* «Урбанизационный переход» России в XX веке как составляющая модернизационного процесса: условия, реализация, результаты // *Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший*. М.: Наука, 2000. С. 216–237.

сти историко-культурологического исследования, следует учитывать, что **противоречивая динамика российских исторических реалий процесса урбанизации с ее региональным своеобразием должна была порождать и столь же ритмично сменяемые символические и мифологические образы города советской эпохи.**

Выявленные в процессе анализа новых подходов тенденции, а также потребность в междисциплинарных контактах и межотраслевом взаимодействии активизировала выход наших поисков за пределы традиционной «отраслевой» историографии. При конструировании собственной исследовательской модели исходную теоретико-методологическую группу составили издания, которые условно можно обозначить как «культуролого-градоведческие». Критерием отнесения в данном случае выступает исследовательский интерес. Замечу, что из культурологических публикаций отдается предпочтение работам по исторической культурологии. Притягательность и перспективность использования культурологического подхода связана с возможностью «заземлить» изучавшиеся и ранее историко-культурные процессы путем помещения их в координаты определенного культурного пространства. Включение термина «культурное пространство» в наш методологический арсенал вызвано тем, что он используется культурологами, чтобы подчеркнуть особую степень значимости для культуры XX в. самой категории пространства. По мнению одного из ведущих российских культурологов, С. Н. Иконниковой³⁴, в будущем возможно возникновение топографической культурологии, анализирующей генезис исторических форм культуры и архитектуру культурного пространства России и других стран. С этим выводом сопоставима оценка общенаучной ситуации, данная примерно в это же время упоминавшемся уже немецким ученым Карлом Шлегелем³⁵. В своих подходах он использует термин «modernite», понимая под ним самоорганизующееся, автономное общество граждан в период формирования массового общества и одновременно гражданскую культуру («Zivilkultur»). Под влиянием экстремальных условий — войн и революций Петроград-Ленинград становится местом конфронтации двух несоединимых и непереводаемых на язык друг друга культур, преемственность наблюдается более всего в тех областях, где власти не могут отказаться от знания и интеллекта.

Шлегель называет этот процесс «провинциализацией», когда городская культура исчезает как культурная, духовная и социальная субстанция, Петербург «был захлестнут движением, которое он сам

³⁴ См.: Человек — Философия — Гуманизм: Тезисы Первого Российского философского конгресса. Т. VI. Философия культуры. Спб., 1997. С. 57.

³⁵ Шлегель К. Петербург — Берлин. 1900–1935: Контакты и влияния // Санкт-Петербург: окно в Россию, 1900–1935. Материалы международной научной конференции, Париж. 6–8 марта 1997 г. Спб.: «Феникс», 1997. С. 219–234.

вызвал к жизни и ускорил. Город был гигантской освободительной машиной, генератором движения, в сущности, фантастической провокацией в до-современном, аграрном и имперском мире. Он был сосредоточием не только блестящей культуры, но и глубоко ненавистной власти, колониальным городом, анклавом маргинальной гражданской культуры. Нет ничего удивительного в том, что эта столица исчезла и от нее осталось лишь то, что годилось для новой империи: имперский жест бывшей столицы, культурная и воспитательная функция в соответствии с классическим каноном, наконец, миф о непобедимом городе Ленина».

Таким образом, в рассматриваемой немецким исследователем урбанистической проблематике появляется близкая нам «интеллигентоведческая» линия, которая связана к тому же с функцией диалога культурных пространств, и может изучаться в динамике своих конкретно-исторических признаков на материале крупных региональных центров переломных эпох. Сибирские города в этом случае являются благодатным объектом, поскольку здесь влияние внешней экстремальности XX в., под которым в расширительном смысле понимается и вся советская эпоха в хронологии 1920-х–1950-х гг., существенно меняло инфраструктуру культурно-цивилизационного ландшафта и трансформировало «Дух Места». Причем здесь прослеживаются и реальные, и символические взаимосвязи со столичными центрами.

На то, что городское культурное пространство — культурная среда — является особым социально-генетическим механизмом, передающим системы ценностей, указывает Г. Н. Баженова³⁶. Однако ее приоритеты отданы малому городу, пространство которого, по ее мнению, более эффективно в процессе передачи и воспроизводства «природных источников этнической культуры» и поддержания самобытности провинциального культурного пространства. Что же касается крупного города-центра, то, по ее мнению, иммунитет от культурных инноваций и от влияния энергетики массовой культуры в его пространстве значительно ослаблен. Представляется, что автор неправоммерно жестко, непроницаемой преградой, разделяет социокультурные процессы, идущие в городах разного типа в XX веке.

В дальнейшем учитывается и другая точка зрения, в которой внимание исследователей фокусируется на важности взаимосвязей личности и пространства. Сошлюсь на позицию О. И. Горяиновой³⁷. Она подчеркивает, что изучить личность в культуре, то есть понять ее мо-

³⁶ Баженова Г. И. Культурная среда города: внутренние и внешние связи // Духовно-культурные процессы в современной России. М.: Росс. Акад. Гос. службы при Президенте РФ, 1998. С. 60.

³⁷ Горяинова О. И. Человек в культурном пространстве // Время культуры и культурное пространство. Сб. тезисов докладов международной научно-практической конференции (Москва, 11-13 декабря 2000 г.). М., 2000. С. 8–9.

тивы, реконструировать смыслы, определить ценностные приоритеты, можно только применительно к конкретным историческим и социальным условиям ее существования, а такой анализ требует введения категории культурного пространства, в котором одновременно определяются координаты внешнего существования личности и параметры внутриличностного бытия культуры. Примечателен ее акцент на то, что культурное пространство на макроуровне определяется понятием культурной синхронии. Она предлагает ввести в исследовательский инструментарий дополнительную категорию — «культурный опыт», но не с хаотическим «набором норм» в его содержании, а в качестве иерархически выстроенной смысловой системы. В итоге ее теоретико-методологическая модель культурного пространства человека определяется двумя уровнями и двумя системами порядка: социальным и индивидуально-личностным. При этом именно вторые составляющие обеспечивают существование человека в культуре, культурные смыслы его деятельности.

К пионерным работам, в которых на материалах России впервые раскрывалась проблема взаимодействия культуры и пространства в историческом времени, включая частично XX век, относится исследование Ю. А. Веденина «Очерки по географии искусства»³⁸, в котором в качестве одного из главных механизмов формирования территориальной структуры искусства рассматривается действие традиций и инноваций. Ю. А. Веденин обращает внимание на то, что до сих пор исследователи-географы оперируют обедненным представлением о культурном ландшафте — признавая активную роль духовной культуры в формировании образа территории, они не включают ее саму в содержание ландшафта. Он предлагает при толковании понятия «культурный ландшафт» опираться на широкое представление о культуре как множестве технологий и результатов человеческой деятельности и использовать в качестве наиболее конструктивной методологической основы учение В. И. Вернадского о ноосфере, а также учитывать, что в культурном ландшафте происходит накопление интеллектуально-духовной энергии. Хронологические рамки географического анализа искусства у Веденина с выделением центров (ареалов) концентрации художественной культуры охватывают период от древней Руси до начала XX в.

Я и моя коллега, В. Ш. Назимова, уже высказывали свое несогласие с отдельными тезисами и выводами Ю. А. Веденина по поводу строгой (в чем-то даже жесткой) иерархии городов как центров формирования «сгустков» интеллектуально-духовной энергии. Поскольку этот вопрос для меня является принципиальным, то повторю, что для изучения культуры российской провинции, ее регионально-ло-

³⁸ Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия. 1997. 224 с.

кальной специфики следует относить к центрам сгущения социокультурных процессов **любой город, независимо от его величины и административного статуса**. Различия, на мой взгляд, будут в степени интенсивности этих процессов и набора их результатов для формирования инфраструктуры культурного пространства.

Внутри «культуролого-городоведческих» исследований можно выделить условно два направления — «московское» и «петербургское». К первому относятся разработки, начало которым было положено сборниками НИИ культуры Министерства культуры и АН СССР (эта исследовательская ячейка позже была преобразована в Российский институт культурологии МК РФ). В них со второй половины 1980-х гг. изучался культурный потенциал современных городов, в том числе поднималась проблема внутренней социокультурной стратификации и контактов разных групп городского населения. Среди разработчиков обратим внимание на В. Л. Глазычева, в дальнейшем возглавившего независимую исследовательскую организацию научно-практического характера, основным объектом деятельности которой стала регенерация историко-культурной среды малых городов. В трудах представителей этого направления содержится несколько важных принципов, полезных для историков культуры. В частности, речь идет о возвращении полноправного статуса такому культурологическому понятию как «Место», о придании новых акцентов понятию «культурный потенциал города» указанием на значение в нем т. н. «активного меньшинства».

Назовем признаки второго — «петербургского» — направления. В нем значительный пласт составляют философско-культурологические труды Д. С. Лихачева и М. С. Кагана. Кроме того, в 1992–1993 гг. появляется сборник статей «Город и культура» (отв. ред. П. А. Подболотов), в котором интересующие нас теоретические и конкретно-исторические проблемы, в том числе диалога культур, затрагивались преимущественно на личностном уровне и в контексте инфраструктуры городской культуры. Особенно примечательны в нем статьи М. С. Кагана «Культура города и пути ее изучения» и Б. А. Смагина «Социокультурная городская среда и развитие личности». Из первой отметим суждение известного культуролога о том, что город обретает свой целостный и, в каждом случае, специфический, культурный облик благодаря превращению духовных качеств горожан в предметное бытие городской среды и творимых в ней продуктов материального, духовного и художественного производства. Во второй работе сопряжение городской среды и человека предстает как динамичная система личностных и групповых связей и взаимодействий, духовных и материальных, и, следовательно, постоянно рождающая потребности в диалоге. Местом, где диалог культур становится наиболее значимой характеристикой, в том числе и для конкретно-исторического исследования, является центральная часть города (его ядро), задающая «образ города» — каждому свой.

В данном случае к социальным и этнонациональным граням проблемы добавляется еще и локальная, фокусирующая способ самоопределения личности в городском пространстве на диалоге «образов места». Внимание к категории «Дух Места», к ее роли для изучения на стыке истории и культурологии динамики процессов, происходящих в XX в. в пространстве конкретного Места, свидетельствует о восстановлении научно-исследовательской традиции отечественных гуманитарных наук, заложенной на рубеже XIX–XX вв. в «северной столице» трудами Н. К. Пиксанова, И. М. Гревса, Н. П. Анциферова, а затем прерванной установлением «единственно верной» методологии «Краткого курса истории ВКП(б)».

Как представляется, обе линии соединились в уже упомянутых выше специальных академических изданиях, появившихся во второй половине 1990-х гг. в качестве итогов комплексных программ, поддерживаемых Научным советом по истории мировой культуры (отв. ред. Э. В. Сайко). Из других изданий особо отметим двухтомный сборник статей участников Международного конгресса, проходившего в Санкт-Петербурге 27–30 июля 1995 г. и посвященного изучению культурного пространства городов, его символики как отражении Духа Места³⁹. Эти материалы заслуживают отдельного анализа. Отметим некоторые моменты, которые заслуживают включения в предполагаемый инструментарий историко-культурологического изучения культурного пространства в его регионально-локальных опытах. Из подходов зарубежных исследователей выделяется концепция города, его невидимого образного пространства (миф города) как «текста», самыми важными элементами которого являются знаки, картины, образы, определяющие восприятие и переживание города. Эта линия характерна в большей степени для немецких ученых⁴⁰. Она не является полным новшеством для отечественной историографии, поскольку еще в конце 1970-х гг. специальную статью вопросу о поэтике города посвятил В. Л. Глазычев. Однако интерес наших теоретиков и историков градостроительства больше был связан с изображением образа города в художественном творчестве.

Труды Санкт-Петербургского международного конгресса свидетельствуют о результатах соединения разных исследовательских линий в особое направление, формирование которого приходится на вторую половину XX в. — в городскую семиотику. Под ней, по мнению президента Международной семиотической организации простран-

³⁹ См.: *The Man and the City. Spaces, Forms, Meanings*. Человек и город: пространства, формы, смыслы. Материалы Международного конгресса Международной Ассоциации семиотики пространства. В 2 т. Санкт–Петербург–Женева–Салоники–Екатеринбург: «Архитектон», 1998.

⁴⁰ См.: *Dreyer C. On the poetics of urban space // The Man and the City. Spaces, Forms, Meanings*. Указ. Материалы. Т. 1. С. 103–110.

ства Пьера Пеллегрини⁴¹, понимают изучение процессов продуцирования смысла городской деятельности, в том числе анализ образа города как динамической части персонального образа мира. Примечательно, что в проблематике этого междисциплинарного направления выделено изучение отдельных, культурно-индивидуализированных, групп населения, их вклада в семиозис городского пространства и их взаимодействия в формировании облика города. Сопоставляя это с нашими интересами, можно увидеть их несомненную близость.

На наш взгляд, указанные теоретические подходы должны помочь историку перейти к анализу «текстов» локального культурно-цивилизационного ландшафта как совокупности реальной и «опозитивированной» форм знаковой символики, выражаемых в соединении материализованных элементов современного городского ландшафта и продуктов художественного творчества представителей местного «активного меньшинства». К первому компоненту отношу архитектуру и дизайн городской среды, градостроительно-планировочные решения, закрепленные в сложившихся частях города и закрепленные в знаковых для общего «Духа Места» сооружениях и/или территориальных комплексах. Вторая группа объединяет визуальный ряд — фотографии и произведения изобразительного искусства, запечатлевшие город и его отдельные части на разных отрезках истории XX в., включая и т.н. «экстремальные полосы». Сюда же примыкают соответствующие литературно-поэтические тексты. Следующий шаг при анализе такого источникового комплекса состоит в извлечении из него информации, относящейся к интересующему исследователя проблемному полю. В рассмотренных выше материалах конгресса такая линия отсутствует, тем более мы не находим у российских участников обращения к трансформациям городской семиотики в условиях революционных перемен и советской эпохи.

Безусловно, контекст демографической ситуации в рамках экстремальных полос был, несомненно, неблагоприятным для саморазвития культуры. При конкретно-историческом анализе необходимо учитывать новейшие исследования известных российских специалистов по исторической демографии В. Б. Жеромской, В. А. Исупова. Тем более важно обратиться к историко-культурологическим признакам, описывающим состояние и трансформации инфраструктуры культурно-цивилизационного ландшафта, а также выяснить формы и степень противостояния социальным катастрофам.

Эту же мысль можно подкрепить ссылкой на близкие нам подходы зарубежных ученых, обращающихся в последнее время к феномену превращения русского города в советский город. Пусть в этом случае для анализа выбирается уникальный город, все тот же Петербург-Крас-

⁴¹ Пеллегрини П. Человек и город: пространства, формы и смысл // Там же. Т. 2. С. 11, 15–16.

ный Петроград-Ленинград, историографическое и методологическое значение таких работ очевидно. Остановимся на рассуждениях французского автора Евы Берар⁴². Во-первых, она сопоставляет реальные модернизационные процессы в культуре города с изменениями литературного мифа о нем и в качестве временной координаты берет военно-революционный период. Во-вторых, она поднимает проблему преемственности, подчеркивая, что в мировой историографии России-СССР долгое время господствовало мнение, что коммунистический Ленинград не имел ничего общего с имперским Петербургом. Добавим, что эту характеристику можно отнести и к оценкам существа историко-культурных процессов, сохраняющим Октябрь 1917 г. в качестве раздельительной межи. Такие позиции сохраняются и в настоящее время.

Е. Берар пытается выявить внутри самих городских структур силы, обеспечивающие преемственность в цепи катастроф и разрывов, которые сотрясали историю города. Она считает, что вплоть до послевоенного периода в Ленинграде явно присутствовали знания, менталитет, поведенческие характеристики, уходящие корнями в петербургское прошлое. Наконец, определяя хронологические рамки своих поисков, она начинает их с февраля 1917 г. и доводит до марта 1921 г. Здесь ее приоритеты продиктованы больше политическими событиями, но эти события для нас предстают пиками внешней экстремальности, которые в региональном (сибирском) варианте для городского культурного ландшафта дали о себе знать первыми резкими деформациями под влиянием первой мировой войны, затем их усилением в 1918–1920 гг.

Ценные в методологическом отношении фрагменты статьи Е. Берар относятся к ее выводам о тонком искусстве большевиков манипулировать символами и мифами и осуществленной ими подмене литературного мифа Петербурга легендой о «городе трех революций». Кроме того, автор, ссылаясь на мнения англичанки Д. Бейтер и российской исследовательницы Н. Лебиной, относит манипуляции мифами вместе с предоставлением новым хозяевам города «предметно-пространственных» условий столичной городской среды к процессу запоздалого модернизационного «окультуривания» бывших жителей деревни, незавершенного и прерванного революцией, а в послереволюционной ситуации превратившегося в «декультуризацию» городского пролетариата (господствующего отныне класса). В результате происходило окончательное удаление рабочих от идентификации со статусом горожанина и отчуждению от петербургской традиции.

По всей видимости, этот прием может оказаться эффективным и при анализе ситуации в нестоличных центрах. Относительно сибир-

⁴² Берар Е. Город и городская культура в XX в. // Санкт-Петербург: окно в Россию, 1900-1935. Материалы международной научной конференции, Париж. 6–8 марта 1997 г. СПб.: «Феникс», 1997. С. 5–28.

ских крупных городов существовали свои мифы и специфические приливы и отливы населения в период экстремальных полос, которые не изучались историками. Первые специальные попытки осмыслить динамику развития советского города в интересующем нас ракурсе, хотя и с позиций отраслевого знания, предприняты недавно Ю. Л. Косенковой⁴³. Несмотря на то, что хронологические рамки ее исследования относятся к 1940-м — первой половине 1950-х гг., весьма примечательна исходная методологическая посылка автора. По ее мнению, характер отечественной культуры на протяжении почти всего XX столетия в значительной степени определяло утопическое сознание, которое применительно к градостроительству породило некий фантом идеального города будущего, к которому стремились, и смутно-обобщенный образ которого всегда эмоционально переживали как архитекторы, так и общество в целом, но который так и не удавалось воплотить. Тем не менее, материализованные следы подобных устремлений оставались в виде не до конца доведенных градостроительных проектов, невосполнимых утрат исторически сложившейся городской структуры, фрагментов архитектурных ансамблей.

Подчеркну, что историки могут попытаться проследить динамику того, что Косенкова называет «миражными изображениями», только используя культурологические и семиотические подходы к трансформациям городского культурного пространства. Возможно, это станет важным дополнением к конструированию образа города в советскую эпоху. Однако, можно ли считать «миражной чертой» желаемого образа воплощенный в архитектурном сооружении утопический идеал? Как быть, например, со знаковыми строениями, благодаря наличию которых и сегодня некоторые города России известны в качестве крупных центров определенного архитектурного стиля советской эпохи? Например, это касается крупнейшего российского мегаполиса — Новосибирска и такого знакового, по мнению новосибирцев, здания в его пространстве, как «Дом с часами», делающего город одним из мировых центров конструктивизма.

Обратимся к еще одному рассуждению Косенковой, существенному для методологии историко-культурологического исследования, намечаемого на стыке с урбанистикой. Она предлагает рассматривать складывание признаков советского градостроительства, с самых первых лет после революции, как часть социально-политического проекта «большого общества» — монолитного сообщества людей, живущих едиными ценностями. Корни этих признаков, на наш взгляд, связаны именно с первой экстремальной полосой в истории России XX в. как благодатной почвой для вызревания утопических проектов и складывания того особого типа «проектной

⁴³ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х гг. От творческих поисков к практике строительства. М.: УРСС, 2000. 378 с.

ментальности» (выражение Ю. Л. Косенковой), который становится определяющим для самосознания советских архитекторов. Движущая сила их действий определяется «волей пролетариата» к быстрому преобразованию окружающего пространства, а основа деятельности мастера-профессионала по созданию города новой эпохи проистекала из идеи государственного планирования.

В существующей историографии интеллигенции этот специфический отряд — инженеры-архитекторы и градостроители — отдельно не изучался. Нет поворота к нему и в рамках современного интеллигентоведения. Такая же ситуация в региональных исследованиях, несмотря на то, что историко-градостроительные анализ ситуации в Сибири представлен содержательными трудами Б. И. Оглы, С. Н. Баландина, В. И. Кочедамова. Недавно издана еще одна монография ведущего сибирского историка градостроительства Б. И. Оглы «Формирование центров крупных городов Сибири», которая, по мнению рецензента, является несомненным существенным вкладом в архитектурно-градостроительную и историческую науку⁴⁴. Историки еще только начинают осваивать эти исследования в качестве несомненных фактов интеллектуальной истории и исторических источников для истории отечественной культуры.

При историко-культурологическом подходе и история региональных отрядов отечественной интеллигенции в XX веке, в советскую эпоху, в условиях «большого модернизационного скачка» и «большого стиля» должна изучаться в качестве особого объекта, формирующего потенциал региона, образы его городов, инфраструктуру / «матрицу» культурного пространства. По-новому в этом ракурсе предстает проблема приращения культуры региона в советский период.

Остановлюсь на наиболее существенных этапах в движении исследовательской мысли по изучению городов региона, в том числе их социокультурного развития в XX веке. Точкой отсчета переломного этапа в региональной (сибирской) историографии, на мой взгляд, следует считать принятие комплексной программы «Исторический опыт изучения и освоения Сибири». Это открывало новый этап и в сибирской урбанистике (городоведении), когда определились актуальные неизученные социокультурные процессы и определяющие их факторы. С 1995 г. регулярными становятся научно-практические межотраслевые конференции «Урбанизация и культурная жизнь Сибири» в Омске, чему способствовала организаторская и исследовательская деятельность заместителя директора Сибирского филиала Российского института культурологии Д. А. Алисова. Примечательно, что в докладе Д. Я. Резуна на первой из названных специальных «городоведческих» конференций была поставлена про-

⁴⁴ См.: ПРО: архитектура, строительство, дизайн, интерьер. Новосибирск. 2000. № 7. С. 15.

блема периодизации развития исторической урбанистики Сибири. Несколько позже, в первом выпуске иркутского межвузовского сборника, посвященного сибирскому городу, Д. Я. Резун предложил более широкий круг подлежащих обсуждению теоретических проблем современной сибирской исторической урбанистики⁴⁵. Проблемы корректировки понятийного аппарата в связи с переосмыслением формационного подхода и уточнения типологии сибирских городов Д. Я. Резун предложил решать на основе детального анализа состава, потребностей, видов деятельности всех категорий городского населения, включая создание историй родословных биографий, восстановление истории «сословия предприимчивых людей». Замечу, что это исследовательское направление давало возможность проследить формирование важных инфраструктурных элементов «каркаса» культурного пространства городов, материализованных в виде различных сооружений социокультурного предназначения, строившихся на средства сибирских предпринимателей (в советскую эпоху некоторые из них сохраняли статус учреждений культуры). Однако советский период истории культуры сибирских городов по-прежнему оставался вне исследовательского поля.

К рубежу XX-XXI вв. сибирская урбанистика / «городоведение» активизируется. Об этом свидетельствовали публикации региональных сборников научных трудов, посвященных сибирским городам и специально городской культуре⁴⁶. Появились очерки истории Омска и Томска, летописи и хроники истории Новониколаевска / Новосибирска.

В 2003 г. была опубликована «Энциклопедия Новосибирска», содержание которой отражало сформировавшийся официальный образ сибирской «столицы», с констатацией соответствующей символики. В ней имелись небольшие справочные статьи, посвященные гербу города, городской символике и талисману Новосибирска под названием «Городовичок», истории возникновения и ритуалу проведения праздника «День города». За последние годы в сибирском регионе мощно развернулись историко-краеведческие исследования, в которых детализировалась и история культуры отдельных городов.

Примечательным явлением в новейшей сибирской урбанистике с выходом на проблемы истории сибирского города в советскую эпоху

⁴⁵ Резун Д. Я. О некоторых проблемах современной сибирской исторической урбанистики // Сибирский город XVIII – начала XX веков / Отв. ред. В. П. Шахеров. Иркутск, 1998. С. 4–10.

⁴⁶ См.: Городская культура Сибири: история, памятники, люди. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск, 1994; Городская культура Сибири: история и современность. Сб. ст. / Отв. ред. Д. А. Алисов. Омск, 1997; Сибирский город XVIII – начала XX веков. Сб.ст. / Отв. ред. В. П. Шахеров. Иркутск, 2000; Городская культура: традиции и новации. Сб. науч. тр. / Отв. ред. С. А. Красильников, Н. Н. Покровский. Новосибирск, 2002.

стала монография Н. М. Дмитриенко⁴⁷. Ее исследование продемонстрировало возможности локального подхода, широко распространенного в зарубежной историографии, и особенно эффективного для комплексного изучения сложных процессов в переломные периоды истории на материалах одного большого города. В данном случае был избран Томск, который Н. М. Дмитриенко считает наиболее интересным объектом для выявления сущности процессов индустриализации и урбанизации в Сибири. Налицо новые познавательные мотивации у сибирских историков, их стремление к объединению усилий по изучению социокультурных процессов в сибирских городах.

В те же годы шли поиски экспериментальных теоретико-методологических подходов к изучению культурно-цивилизационного ландшафта крупных сибирских центров, осуществлявшиеся автором индивидуально и совместно с коллегой-единомышленницей В. Ш. Назимовой. Их результаты были представлены в цикле статей и материалов второй половины 1990-х гг. и рубежа XX–XXI вв. На материале культурного пространства малых городов Среднего Прииртышья эти подходы недавно были апробированы в диссертационном исследовании моей ученицы Е. В. Соколовой⁴⁸.

В качестве итоговых рассуждений в рамках первого блока обозначу возможный путь поэтапного восприятия образов городов в условиях XX века, советской эпохи и их трансформаций, используя описание внешнего каркаса культурно-цивилизационного ландшафта города.

Исходная посылка такова: российская специфика складывания инфраструктуры городов, соответствующая глобальным урбанизационным тенденциям, определилась уже в 1910-е гг. Это не противоречит известным оценкам российской ситуации как положения «на полпути к городскому обществу» (А. Г. Вишневский), а также не менее известному соотношению городского и сельского населения России (14%:84%), дополняющемуся тем, что основная масса русских городов в это время относилась по критерию численности к разряду малых и средних. Тем не менее, в их инфраструктуре имелись общезначимые социокультурные доминанты, которые обеспечивали складывание городского сообщества и формирование самосознания горожан как жителей особого локального культурного пространства (со своим «Духом Места»). Речь идет о таких инфраструктурных элементах культурно-цивилизационного ландшафта как культовые и общественные здания, учебные заведения, библиотеки, музеи, народные дома. Этот ландшафт дополнялся развивающейся сетью

⁴⁷ *Дмитриенко Н. М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.

⁴⁸ *Соколова Е. В.* Формирование культурного пространства малых городов Среднего Прииртышья в 1920–1980-е гг. Автореферат канд. дисс. Омск, 2008. 26 с.

различных обществ (сообществ), наличием фигур местных подвижников («чудаков»), закреплением в нем общенациональных, региональных, локальных символов и мифов с помощью памятников, памятных мест, общегородских празднеств и ритуалов светских торжеств, юбилейных акций.

Осмысление собранной информации, в том числе и извлеченной из «отраслевых» публикаций, из эмпирического материала краеведческих наблюдений современных любителей, дает автору право предложить вариант **условной периодизации** процесса дальнейших трансформаций, происходивших в культурном пространстве городов России и в ее регионах. В первую очередь это относится к крупным городам. Первый этап — 1914–1920-е гг. — время, когда главным трансформирующим фактором становится совокупность внешней и внутренней экстремальности. Ведущие признаки: исходный — это переструктурирование сложившегося культурного пространства, его смысловых культурных ориентиров, усиление этого процесса с 1917 г. «Вещи культуры» стремительно начинают превращаться в «символы культуры», зачастую со смыслом, противоположным изначальному. На необходимость фиксации этих превращений обратил внимание еще в 1926 г. Н. П. Анциферов в своей работе «Город как социальный организм: пути изучения».

Промежуточным признаком внутри этого этапа являются попытки удержать целостность меняющегося пространства города, сохранить его сомасштабность человеческому чувству соединения пользы и красоты (например, в условиях войн и революций увлечение идеями городов-садов). В качестве закрепляющего элемента выступает замена одних символических доминант (в первую очередь это касается памятников, памятных мест и городской топонимики) на новые с иным идеологическим стержнем — унифицированным и космополитичным (таковы памятники вождям и героям и жертвам революции и гражданской войны, но в рамках этого периода они еще отличаются своеобразием местного творчества). Четвертым завершающим признаком становится составление новых унифицированных и пронизанных иной (социально-политической и шире — геополитической) идеологией генпланов городов, с приоритетом производственных градообразующих доминант независимо от сложившейся локальной специфики культурного пространства.

Замечу, что одновременно все-таки происходит приращение элементов культурно-цивилизационного ландшафта, поскольку утраты в материальных формах его инфраструктуры пока еще не доминируют «зияющими пустотами». Кроме того, в духовно-творческих компонентах городского культурного потенциала (как неотъемлемой части ландшафта) продолжают возникать инициативы, направленные на придание устойчивости культуре.

Следующий (второй) этап изменений вектора и направленности трансформаций городского пространства (равно и существовавшего

образа российского советского города на всей территории страны) — это 1930-е — начало 1950-х гг. (т.н. «сталинская эпоха» с ее «соцреалистическим каноном» и торжеством «Большого стиля» в архитектуре и изобразительном искусстве). Ведущая тенденция отражает формирование «двойного» пространства города. Одна его часть носит ярко выраженный функциональный характер и подчинена производственным интересам. В ней человек существует для города. Городская инфраструктура культуры ограничена обязательным минимумом объектов, закрепляющим и символизирующим эту связь. В «селитебной» зоне — отдельных частях города, позже в социокультурной практике именуемых «спальными районами», должны находиться учреждения питания, торговли, детские сады и школы и т.п. То есть все то, что поддерживает жизнедеятельность человека труда (обитателя унифицированного «безместного» пространства).

Именно в этом реальном культурном пространстве естественным смысловым стержнем становится «культура обслуживания» как модель официального восприятия культуры и реализуемой государственной «концепции» культурной политики. Материализованной формой этой модели становится Дом (Дворец) культуры. В начале этого этапа внутри реального функционального пространства городов СССР, а также в виде самостоятельных поселений нового типа появляется феномен «соцгорода». Он должен был представлять образцовый город нового типа. Деформирующие коррективы в трансформации этой реальной части городского культурно-цивилизационного ландшафта были внесены Великой Отечественной войной. О тенденциях этих деформаций пишет Ю. Л. Косенкова. Однако их региональная и локальная специфика не видна.

Другая составляющая культурно-цивилизационного ландшафта города на этом этапе может быть обозначена как «иллюзорная» — образцовый миф-символ социалистического города, несмотря на его ярко выраженные материальные формы. Речь идет о специально созданных пространствах типа ВСХВ-ВДНХ (а ныне — ВВЦ). В этом отношении нам представляется очень продуктивным подход Владимира Паперного⁴⁹. В 1930-е — 1950-е гг. происходит окончательное складывание официального образа центрального символического Места внутри городского пространства. Возникает проблема соотношения этого Центра с историческим ядром города и его символикой. Что же касается последующих трансформаций, вплоть до современных наслоений, то они требуют специального рассмотрения и могут явиться темой для отдельного исследовательского проекта в более широких хронологических и территориальных рамках.

(Продолжение статьи в следующем выпуске)

⁴⁹ Паперный Владимир. Культура Два. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 382 с.